

Литература

1. Учебная программа по учебному предмету «Русская литература» для V–XI классов учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения и воспитания [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://www.adu.by>. – Дата доступа : 20.10.2017.
2. Концепция учебного предмета «Русская литература» [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://www.adu.by>. – Дата доступа : 20.10.2017.
3. Головкин, В. М. Герменевтика литературного жанра : учеб. пособие / В. М. Головкин. – М.: ФЛИНТА : Наука, 2012. – 184 с.
4. Ляпина, Л. Е. Жанропорождающие процессы в русской лирике XIX века / Л. Е. Ляпина // Историческая поэтика и пути изучения и преподавания русской словесности : исследования и материалы / науч. ред. Л. Е. Ляпина. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. – С.77–91.

УДК 81'42

А. В. Шаколо

**Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова», кафедра мировых языков**

БЕЛОРУССКИЕ СКАЗКИ В ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

В статье рассматриваются сказки белорусского народа в их тесной взаимосвязи с русскими, украинскими произведениями устного народного творчества, а также в контексте европейской культуры.

In the article are discussed the fairy tales of Belarussian, Ukrainian and Russian peoples in their strong coherence with each other and in the context of European culture as well.

Ключевые слова: белорусские, русские и украинские сказки, Европа, культура, мифология, история, концепты.

Key words: Belarussian, Russian and Ukrainian fairy tales, Europe, culture, mythology, history, concepts.

Сказки белорусского народа, безусловно, на протяжении веков формировались под влиянием фольклора соседних стран восточноевропейского региона, – прежде всего, разумеется, России, Украины, Польши. Тем не менее нельзя исключать и более широкого взаимодействия культур и народов. В нашем исследовании мы проследим, как произошло, что у истоков белорусской народной сказки находится древнегреческий эпос об Одиссее, а также каким образом связаны произведения устного народного творчества славянских народов.

Перед учеными, работающим в области сказочного дискурса, как правило, предстает следующая картина: в белорусских сказках зачастую

встречаются сюжеты, близкие русским, – например, сказка «Каваль і Аднавокае Гора», во многом напоминает сказку «Лихо одноглазое», записанную в свое время А.Н. Афанасьевым. Обратимся для начала к русской версии.

Главный герой, кузнец, после некоторых размышлений (ему в жизни для счастья, судя по тексту, не хватало острых ощущений), отправляется в путь: *«Взял и пошел, выпил хорошенько и пошел искать лихо»* [1, с. 340]. Как видим, сказка действительно русская народная: и по языку, и по способу подготовки к дальней дороге. Далее герой встречает единомышленника, портного, на ночь они решают остаться в большой избе, которую нашли в лесу. Появляется Лихо в нелицеприятнейшем образе кривой безжалостной старухи, которая в одно мгновение (!) съедает портного, в то время как кузнецу дважды удается спастись, хотя в итоге он теряет кисть руки, которую сам отрезает, чтобы сбежать от Лиха (ненасытной женщине несчастного портного в качестве ужина явно было недостаточно): *«Пришел в свою деревню и начал показывать руку, что теперь видел лихо»* [1, с. 341]. Лихо в этой сказке напоминает, с одной стороны, ведьму, с другой – циклопа из «Одиссеи», судя по заимствованному оттуда эпизоду с овцами: точно так же в свое время хитроумный завоеватель Илиона смог одолеть одноглазое чудовище, жившее на тот момент времени не в лесу, а, как мы знаем из гомеровского эпоса, в пещере (к слову, место также вполне пригодное для инициации). Следовательно, дом можно отыскать и в лесу, с той лишь оговоркой, что с ним герой рискует найти свою смерть, хотя это не ново ни для мифов, ни для сказок. Непосвященный в лесу появляется не случайно: или проходит испытание, или гибнет ужаснейшим образом (каннибализм в сказках встречается практически постоянно либо как угроза озвученная, но нереализованная, либо как в вышеприведенном тексте).

«Каваль і Аднавокае Гора» практически без изменения повторяет сюжет афанасьевской сказки. Знаковым и по-настоящему релевантным здесь является совершенно иное: в обоих текстах ключевым предстает образ Лиха, живущего в лесной избе (в немецких сказках в лесах живут великаны или ведьмы, однако в западноевропейской традиции нишу Лиха занимает, как мы уже выяснили, циклоп, известный еще со времен «Одиссеи» Гомера, и, по-видимому, в измененном образе дошедший до славян). Кузнецу удается и увидеть Лихо в прямом смысле (ср. *«хлебнуть лиха»*, *«кузнуть, почем фунт лиха»*, *«навидаться лиха»*), а также цепочку *«лихо – лишний – нечет»*), и выжить после встречи с ним (тем же способом, что и Одиссею, с той лишь разницей, что главный герой в сказке теряет руку, в то время как царь Итаки остается целым и невредимым). Т. е. персонажу удалось (с горем пополам, безусловно, может быть, именно в этом и объяснение столь страшного увечья: полностью в понимании восточных славян от горя не «откупишься»), но

сохранить жизнь все же можно) спастись и, покинув мрачный, жестокий лес, вернуться домой, – после всего, что с ним произошло, он стал опытнее и отказался от дальнейших поисков Лиха, открыв для себя простую истину: *«Не буди лихо, пока оно тихо»*. Но, чтобы подобные открытия были возможны, сказочным героям необходимо покинуть дом и идти навстречу опасности, – в противном случае сказки утратили бы свою суть, лишившись противостояния «своего» и «чужого» в рамках концептуальной оппозиции.

Историко-культурное развитие белорусов на протяжении веков могло вместить в себя как национальный колорит коренных жителей, так и богатый духовный опыт соседних народов – русских, украинцев, а также прибалтов и поляков. Так, в другой сказке «Падчарыца і чорт» встречается мотив победы над нечистой силой: молодая девушка, ненавидимая своей мачехой, должна по ее требованию принести воды из лесного источника, по дороге ей встречается второй заглавный герой сказки, но той, как и кузнецу Вакуле из повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством», удастся обмануть нечистого и при этом вернуться домой не с пустыми руками, в отличие от ее нерадивой сводной сестры: *«...матка чаго прасіць навучыла, а як ад чорта адчурацца – не сказала. Чорт пачакаў трохі ды згроб дзеўку за касу і пацягнуў к сабе ў калодзеж»* [2, с. 100]. В таких сказках, как «Дзедава дачка і бабіна дачка», «Пра падчарку», «Як дзедава дачка спамаглася, а бабіна з зайздрасці прапала» встречается белорусский вариант Бабы Яги – ведьма, которая также живет в избушке на куриной ножке и время от времени столь же тщетно практикует обряд перепекания ребенка («Ванечка і ведзьма»). Характерен для подобного рода сказок и конфликт внутренний, семейный, – он же является дополнительной модификацией оппозиции «свой – чужой», со свойственным ей присутствием чужого уже у себя дома (например, в лице мачехи или завистливой сестры).

Не менее примечательным является и двойственное изображение леса в сказке «Салдат і смерць». Главный персонаж в лесном домике обнаруживает пристанище темных сил, причем *«напаследак прыляцеў самы галоўны іх Люцытар [Люцифер]»* [2, с. 390]. После сатане придется рассказать солдату, что в склепе под этим жилищем томится самая красивая девушка на свете, над которой нечисти хочется поглумиться. Но свои планы сатане осуществить не удастся, силы зла побеждены храбрым главным героем, женой которого становится спасенная им красавица. Можно отметить, что и в этой сказке обе стороны леса обозначены довольно ярко, однако общая атмосфера действует все же угнетающе и подходит, скорее, в качестве места для борьбы противоборствующих сторон, света и тьмы, чем для веселья, радости и беззаботности, что характерно и для русских сказок, с лесом, который вечно мрачен, величественен, неприступен.

Для сказочного дискурса характерна следующая особенность: протагонисту в начале сказки дома, на его территории, ничто не угрожает. Далее события развиваются по уже известной схеме – по необходимости (по собственному желанию) герой отправляется в лес, где его ожидают различного рода испытания. При всей важности дома в славянской (и германской культурах) свою весомость он приобретает во многом из-за столь яркого контраста в случае с лесом. Так, в украинской сказке «Дурень та чарівна сопілка» повествование начинается с трех братьев, отправившихся на поиски счастья: *«Дійшли до лісу та й кажуть: „Давайте виліземо на дуба та переночуємо, а то щоб розбійники не напали“»* [3, с. 123]. Исходя из текста, становится очевидным отношение к лесу как к пристанищу разбойников, что вполне логично: если для пиратов лучшим убежищем и домом являлись моря и океаны, то для их сухопутных «коллег» идеально подходили леса. Помимо прочего, лес был местом для инициации непосредственно как «совершения обрядов, связанных с переходом человека из одного возрастного и <...> социального статуса в другой» [4, с. 11].

Очевидно, по той причине, что герой отправляется в лес для прохождения инициации, в украинских сказках (например, *«Про гору, що верхом сягала неба»*) наряду с образом леса вообще возникает его исключительно негативное воплощение – Страшный лес, в который граф заклинает не ходить своих сыновей: *«Коли підете на полювання, можете стріляти звірину в усіх хащах, тільки варуйтеся Страшного лісу. Я наказав повісити на ліс табличку з написом, щоб туди ніхто не смів ходити. А коли хтось осмілювся б зайти, живим звідти не повернеться...»* [3, с. 173].

После приведенного выше анализа сказочных текстов возникает закономерные вопросы. По какой причине вполне самодостаточный человек отправляется, например, на поиски Лиха, когда у него в жизни есть, по сути, все – здоровье, семья, дом, любимое дело?.. Является ли несчастье залогом счастливого будущего для человека? Так или иначе, данные вопросы носят, скорее, философский характер и, пожалуй, останутся без ответа в истории человечества (риторическими), однако наши предки отвечали на второй вопрос утвердительно, если исходить из текста сказки. Мышление человека той эпохи, пронизанное ключевыми оппозициями, оказывало влияние и на дискурс волшебных сказок: человек в лесу, угроза, приключение, смелость, смекалка, побег от действительности, по мнению людей того времени, были важнее, нежели домосед, абсолютный комфорт и безопасность, рутина обыденной жизни, малодушие и отказ от борьбы с обстоятельствами. Следовательно, приходим к закономерному выводу: сказки белорусского народа совместили в себе все релевантные ценности восточнославянской культуры, которые нашли гениальное воплощение в

произведениях устного народного творчества, истоки которых таятся еще в мифологии Древней Греции, по праву являющейся колыбелью всей европейской цивилизации.

Литература

1. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 т. / изд. подг. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. – М. : Наука, 1985. – Т. 2. – 464 с.
2. Беларускія народныя казкі / укл. Г. А. Барташэвіч, К. П. Кабашнікаў. – 2-е выд., дап. – Мінск : Навука і тэхніка, 1986. – 512 с.
3. Українські народні казки / впоряд. Т. Капушак. – Київ : Українська Казка, 2006. – 213 с.
4. Пименова, М. В. Русская сказка : учеб. пособие / М. В. Пименова. – Киев : Изд. дом Дмитрия Бурого, 2012. – 68 с.

УДК 821.133.1

С. Э. Богданович

Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»,
кафедра романо-германской филологии

ОБРАЗ КОРОЛЯ ГЕНРИХА IV В РОМАНЕ РОБЕРА МЕРЛЯ «КРУЖЕНИЕ ФИЖМ» («LA VOLTE DES VERTUGADINS»)

В статье анализируется образ короля Генриха IV в романе Робера Мерля «Кружение фижм» («La Volte des vertugadins»).

The article analyzes the image of King Henry IV in the novel by Robert Merle «La Volte des vertugadins».

Ключевые слова: французская литература, Робер Мерль, король Генриха IV, образ, целостность образа, теория светильников, парадоксальность, авторская философичность.

Key words: French literature, Robert Merle, King Henry IV, image, image integrity, luminaire theory, paradoxicality, authorial philosophy.

Король Генрих IV является одним из центральных образов реальных исторических персонажей, выведенных в историческом цикле Робера Мерля «Судьба Франции». Целостность образа достигается тем, что в нем гармонизируется группа следующих парадоксальных единств.

1. **Единство общего и конкретного.** Художник не мыслит абстракциями, его образы конкретны, но в этой конкретности он стремится угадать что-то общезначимое.

2. **Единство эмоционального и рационального** (чувства и разума). Впечатления непосредственные, эмоциональные, интуитивные никогда не утратят значения в искусстве. Рациональная же составляющая заложена